– И тебя не смущает, что это ребёнок, воспитанный в католической вере? Нет, ты вообще веришь, что ребёнок мог кого-то спасти?

– Ваше Величество, у меня нет причин сомневаться в Ваших словах. Но позвольте быть откровенным? – получив кивок Генриха, мужчина продолжил: – Понимаете, Ваше Величество, в ту ночь я не собирался покидать Париж. Я считал Вас трусом, как и остальных. Но незадолго до заката я увидел маленькую девочку, которая, не слушая нянек, подбежала к детям-попрошайкам, высыпав в их чаши полновесные экю. Она просила их убраться с улиц и увести всех, кого возможно, чтобы никто не пострадал. Когда она всё же позволила нянькам себя увести, я услышал их разговор. Женщины сетовали, что это было месячное содержание ребёнка, и теперь весь сентябрь ей придётся обойтись без сладкого. Она же, тихо рассмеявшись, сказала, что никакие сладости не стоят спасения человеческих жизней! Тогда я подумал, что она боится ночных холодов, однако её слова напомнили мне о том, что должно было случиться ночью. Я решил бежать из города. Но опоздал. Выйти уже было практически невозможно. Я спрятался в городе, у друзей-католиков, которых до этого оскорблял и поносил. Даже если не простили, не выдали. Потом я ушёл, пересидев в подвале их дома несколько дней. А сейчас я думаю, не была ли это одна и та же девочка? И не имели ли её слова более глубокого значения, чем просто вечерние холода, которые в августе ещё не такие уж холодные.

– Ты видел её глаза?

– Да, мельком. Зелёные, сочные, как молодая листва.

Генрих молча протянул ему сопроводительное письмо и сказал, где найти спасительницу, а потом отпустил, не разгневавшись на то, что его посчитали трусом.

За два года от девочки с зелёными глазами не было никаких известий, зато часто писал Этьен. Сначала он был в Португалии, договариваясь и закупая товары, которые, как сам парень говорил "к чёртовой бабушке никому не нужны!". Потом он отправился в Париж, где на остатки денег купил небольшую лавочку там, где сказала девчонка. Как и просила Корентайн, он не торопился с открытием, но перестраивал лавку так, как того хотела зеленоглазая ведьма. И непрерывно ругался на то, что, дескать, делать ему больше нечего. Одно радовало Этьена, к нему быстро присоединился Дени Перро, который и взял на себя управление лавкой, а ему надлежало теперь ехать в Голландию, чтобы выполнить вторую часть поручения зеленоглазки.

В планы девочки он не вдавался, а Генрих не спрашивал. Однако он был уверен, что та его сумеет ещё не раз удивить.

* * *

Утром, собираясь в комнате епископа, Генрих впопыхах сунул шкатулку с цветком не в плащ, а во внутренний карман камзола.

Страшных боёв уже не ожидалось, а потому король Наварры не стал тратить время на

облачение в нагрудник. Ему важно было задать темп и моральный дух своим солдатам вчера, когда их было меньше врагов, а сейчас можно было переждать и в тылу.

Вот только он оказался неправ.

На первой же баррикаде, которые за ночь возвели защитники города, Шупп получил камнем в висок и рухнул без признаков жизни. Чтобы моральный дух из-за недееспособности и предполагаемой смерти командира не нарушил импульс его войска, Генрих вновь взял командование на себя.

Всё время, пока Генрих двигался с войском, беря одну баррикаду за другой, Бог хранил его от вражеских пуль. Защитники начали проседать, а нападающие становились всё более взволнованными, практически видя перед собой победу!

И вот самая высокая баррикада. Генрих, ловко забравшись наверх, приготовился обратиться с речью. Выстрелы стихли, словно давая королю Наварры слово, но едва он открыл рот, как раздался одиночный выстрел, опрокинувший Генриха навзничь. Ближайшие дворяне бросились к королю, но быстро убедились, что тот жив. Они хотели остановить Генриха, когда он полез обратно, но Наваррский был неумолим.

– На всё воля божья! – сказал мужчина, чувствуя довольно сильную боль в груди, но он был уверен, что пуля не вошла в тело, а потому сам взобрался на баррикаду и снова открыл рот, теперь никто не помешал ему сказать то, чему настало время: – Я гарантирую пощаду всем, кто сложит оружие!

Каор пал. Генрих с дворянами занял поместье правителя города, и только там король подпустил к себе лекаря.

– Бог хранит Ваше Величество, – со всей осторожностью разоблачив и осмотрев короля, сообщил медик. На груди Генриха расплывался внушительный синяк, а также были следы неглубоких ран, которые, как оказалось, были нанесены вовсе не пулей, а осколками шкатулки, которую пуля пробила. – Даже рёбра не пострадали, а если и пострадали, то лишь небольшие трещины. На всякий случай я наложу повязку, а также рекомендую быть осторожным в ближайшие дни, но я лишь перестраховываюсь!

После того, как медик ушёл, Наваррский, откинувшись на спинку кресла, жестом приказал подать свой камзол. Получив желаемое, он извлёк исковерканную металлическую шкатулку, в которой столько лет хранил цветок, подаренный ребёнком.

С трудом открыв крышку, мужчина увидел, что от цветка толком ничего и не осталось. Шёлк порвался, металлический каркас измялся. Но что больше всего удивило мужчину, так это пуля. Её силы хватило, чтобы пробить крышку, но запутавшись в металлических хитросплетениях цветочного каркаса, она смогла лишь раздробить внутреннюю стенку, которая своими выпирающими осколками и ранила грудь Генриха.

– Снова ты спасаешь меня, моя звезда, – улыбнулся Генрих. Конечно, он понимал, что эта "защита" не спасла бы его, будь у противника время нормально прицелиться, хорошее оружие, не отсыревший порох или иная адекватная причина. Но сам факт того, что искусственный цветок оплёл своими лепестками, лишёнными шёлка, пулю, словно мешая ей пролететь дальше, наполнял его сердце странным теплом.

– Это… – Жером, стоявший рядом с Анри, удивлённо смотрел на бывший цветок и пулю в руках короля.

– Найди мне самую дорогую шкатулку в этом доме, Жером. Я хочу сохранить всё это так, как есть.

– Да, Ваше Величество…

Эта победа стала очень значимой для гугенотов. Мало того, что Генрих так доблестно вёл свои войска вперёд, он оказался достаточно прозорливым, чтобы укрепить Сорез, а также любим Богом, чтобы пережить выстрел в сердце. Кроме того, Шарль де Телиньи прекрасно справился с задачей, придя на помощь Конде, которого сумел увезти из осаждённой католиками крепости Ла-Фер. Правда, куда делся Конде, никто не знал, кроме Генриха и нескольких верных ему людей.

В коем-то веке гугеноты были не против бала, который в честь победы был организован Генрихом в Нераке. Маргарита, восхищённая действиями мужа, решила на время забыть остальных кавалеров, но Генрих был пусть и учтив, но холоден.

Многие сочли это признаком того, что ему было известно обо всех похождениях своей королевы, в то время как сам он пытался наладить с ней семейный быт. Таким образом, даже самые фанатичные из гугенотов ни в чём не обвинили Генриха, когда он снова завёл себе пару фавориток, несмотря на присутствие жены.

Екатерина Медичи со своим сыном всячески старались наладить с Генрихом мир, несмотря на то, как противились католики во главе с Гизом, и Наваррский был готов примириться с Парижем, но их требования были слишком высоки.

Генрих Третий обвинял во всём сестру, считая, что именно по её приказу каорские вассалы сдали город. Он наложил арест на остальное имущество сестры, чем разозлил Маргариту ещё больше. Так же он ожидал от Наваррского возвращения Каора и захваченных в ходе противостояния седьмой религиозной войны крепостей. Но в ответ Генрих Наваррский выступил против Бирона, объединив все свои силы. Разгромить, как он надеялся, генерала не удалось, но они смогли оттеснить католиков, укрепившись на занятых территориях. Генриху Третьему пришлось пойти на уступки из страха, что гугеноты разовьют успех.

Генрих же Наваррский не просил многого. Лишь оставить несколько территорий, так и быть в качестве наследства взамен тех, что были арестованы, а также несколько торговых и предпринимательских патентов с незаполненным именем. Эта просьба удивила и короля

Франции, и Генриха де Гиза. Однако сколько бы оба ни копали, добраться до истины им не удалось. Генрих не занимался торговлей, не вёл дел в Париже, так зачем ему эти патенты? Для кого?

Тем временем отношения с Маргаритой становились только хуже. Генрих всё ещё оставался сдержан в плане развлечений, и хотя балы и охоты проходили, но обычно они были приурочены либо к определённым датам, либо к победам (военным или политическим) над католиками, так что гугеноты не возмущались. Почти.

В восемьдесят четвёртом году, получив известия от Этьена о том, что мадемуазель вернулась в Париж, Генрих тайком отправился в город.

http://erolate.com/book/3457/83425